

Искатель истины

Автор:

[Идрис Шах](#)

Искатель истины

Идрис Шах

Идрис Шах познакомил Запад с удивительным собранием традиционных и современных историй. Их мудрость достигает глубин, недоступных интеллектуальному знанию. Истории эти пользуются широким признанием благодаря своему изяществу и развлекательности, но они также представляют собой искусно разработанные упражнения. Поведение героев в этих рассказах изображает психологические процессы, превращая историю в рабочий чертёж человеческого ума, и направляет читателя к его собственному видению истины, причём делает это способом, недоступным обычной литературе.

Роберт Орнстайн.

Идрис Шах

Искатель истины

Предисловие

Идрис Шах познакомил Запад с удивительным собранием традиционных и современных историй. Их мудрость достигает глубин, недоступных интеллектуальному знанию. Истории эти пользуются широким признанием

благодаря своему изяществу и развлекательности, но они также представляют собой искусно разработанные упражнения. Поведение героев в этих рассказах изображает психологические процессы, превращая историю в рабочий чертёж человеческого ума, и направляет читателя к его собственному видению истины, причём делает это способом, недоступным обычной литературе.

Роберт Орнстайн

«Искатель истины» – звучит романтично, но в действительности – это принятое в суфийской традиции техническое обозначение определённой стадии человеческого развития. Состояние человека на этой стадии диктуется рядом условий, и если в своём продвижении к следующей стадии он соответствует этим условиям, то перестаёт быть «ищущим» и становится «нашедшим».

В русском языке есть эквивалент слову «истина». В конце концов, кому не хочется узнать «всю правду» обо всём! В каждом из нас сидит ребенок, наспех обученный мышлению и поведению взрослого, и он по-прежнему хочет знать правду о мире и о себе. Просто не надо мешать ему слушать и слушать истории о реальности, той реальности, которая была до него, которая есть и будет.

Что же это за страна, по которой путешествует Искатель истины? Идрис Шах в компании суфиев прошлого и настоящего готов сопровождать нас в этом путешествии.

Перед нами встают образы великих мастеров прошлого: Хазрат Бахауддин Накшбанд, Ахмад Ясави, Моисей, АлиБег, Ибн-Хамза, Хаким аль-Мансури, Ибрагим Кхавас, Имам аль Газали, Абдуллах Ибн Джа'фар, Имам Абу Ханифа, Саади из Шираза, поэт Джами. Мы в присутствии людей, чьи слова, поступки, реакции продиктованы иными мотивами, чем те, которыми руководствуемся мы в повседневной жизни. Чтобы определить источник их вдохновения, нам не подобрать более удачного слова, чем старомодное слово «мудрость». Это вдохновляет и нас, нам тоже хочется приблизиться к этому источнику. Однако тут мы узнаём, что «человеческое существо приходит к мудрости благодаря сообщениям, шумихе, проповедям, чтениям и самовозбуждению. Но, даже приблизившись к ней, человек продолжает требовать все больше и больше того же самого, а не того, что может дать мудрость, и не того, ради чего он пришел к ней.

Пчелы по запаху находят цветок, но, оказавшись в непосредственной с ним близости, не требуют все больше и больше этого запаха. Они припадают к нектару, который должны собрать. То же с реальностью, содержащейся в мудрости, а рассказы и фантазии о ней подобны запаху цветка.

Поэтому «настоящих пчел» в человечестве очень мало. В то время как все пчелы, будучи приспособлены к собиранию нектара, и на самом деле пчелы, далеко не все люди суть “человеки” в смысле своей настроенности на восприятие того, ради чего они были сотворены».

В следующем разделе книги «Вопросы и ответы» мы оказываемся в компании Искателей, задающих вопросы автору «Искателя истины». Примеряя на себя вопросы и вслушиваясь в ответы, в каждом из которых информации больше, чем предполагает сам вопрос, мы оказываемся в лабиринте поиска, лабиринте с многочисленными ложными поворотами. Наш собеседник предостерегает нас относительно тех ходов, которые ведут в тупик. «Не следует молиться, если молитва мотивируется тщеславием; обряды вредны, когда вместо просветления они доставляют примитивные удовольствия вроде эмоциональных стимулов; не следует заниматься аскетической практикой, если это просто доставляет удовольствие».

Традиция существует как функция развития человечества, а не как древний монумент, призванный повергать последующие поколения в восторженный трепет или, таинственные ощущения.

И вновь мы наедине с историями, но эти истории предлагают Искателю, прежде чем отправиться дальше, сделать кое-что для себя. Господь говорит Моисею: «...Ты не сделал того, что требовала известная тебе справедливость – отдать бедному избыток богача. Могу ли я поручать тебе большее, если ты не делаешь и того, что должен делать?» Моисей в человеке означает ту его часть, которая, собственно, и занята поиском Истины, а богач и бедняк – отсутствие внутри человека равновесия. Однако Искатель найдёт здесь и указания, и ориентиры: «Когда мнение принимается за факт, этот «факт» не очень-то вписывается в действительность. Когда факты принимаются за знания, человек, который пытается усвоить их, становится внутренне неустойчив. Точно также, когда одержимость путают с долгом, возникает ощущение некоторой опустошенности...».

Автор знакомит нас с учителями традиции, с их методами обучения, где слова и поступки выражают функцию и предназначение учительства. «...Моя работа, – говорит один из них, – состоит в передаче того, что я должен передать. Все что я говорю и бо?льшая часть того, что делаю, следует этому образцу. Если я изменю своему долгу и вместо этого буду делать то, что хотите от меня вы, то стану вашим инструментом, а не инструментом Истины». Но и ученику необходимо соблюдать определённые правила при контакте с учителем, иначе взаимодействие может не состояться. Ошибочная позиция, в которую становится ученики имеет источник: «они неверно трактуют то, чему их учат другие. Вот две слабости, которые всплывают снова и снова: понимать слова слишком буквально и истолковывать их сугубо поверхностно».

Неожиданно мы оказываемся как бы в гостях у автора «Искателя истины», нечто вроде стоянки в пути. Идрис Шах рассказывает забавные истории, где юмор сопровождает обучение. Это ещё один принцип традиции.

Учитель-пьяница на увещевания своего друга отвечает: «Я работаю, чтобы заработать денег на выпивку. А ты предлагаешь мне бросить пить, чтобы я мог работать!» В древней притче о «пьющих» учителях и учениках ситуация обучения становится для них индивидуальной и групповой стимуляцией.

Ироничная манера изложения уравнивает драматизм некоторых аспектов поиска и обучения, когда люди изучают одно, потом другое, переходят от учителя к учителю, не получая удовлетворения и, – продолжает автор, – «наконец, оказываются у моих дверей... Некоторые из них в результате всех этих опытов сильно покалечились. Что касается последних, то им, видно, никто не рассказывал старую шутку:

«Когда вы плотничаете, есть превосходный способ узнать, шуруп вам нужен или гвоздь. – Сначала вбейте в доску гвоздь. Если доска треснула, значит, вам нужен был шуруп».

«Иногда я чувствую себя автомехаником, – сетует автор, – которому владелец машины говорит: «Сделайте все так, чтобы машина поехала», а мне приходится брать на себя весьма неблагодарную миссию и говорить:

«Ваша проблема в том, что вы еще не научились водить машину».

Поскольку книга рассчитана на западного читателя, то областью неперемного исследования для него должна стать западная культура – его формирующее начало. Ид-рис Шах отвечает на вопросы, свидетельствующие о том, что Запад для нашего Искателя истины – это страна, которую ещё предстоит открыть. «Когда Павлов обнародовал свои открытия о том, что у собаки может быть выработан условный рефлекс, одним из выражений того времени было: «Люди – не собаки!». Как бы то ни было, но, по крайней мере, привычки социальные и привычки, связанные с употреблением алкоголя на Западе, как было продемонстрировано в лабораторных условиях, весьма напоминают поведение крыс...». Наука, которой так гордится Запад и на которой основано большинство социальных институтов, в действительности, остаётся привилегией узкого круга учёных жрецов. «На лекции, посвященной переливанию крови, которая читалась перед научной аудиторией, лектор пренебрежительно говорил о «древних народных поверьях», бытующих среди простых людей и призывал ученых бороться с ними...» Когда прозвучал вопрос к собравшимся: «Кто из них знает свою группу крови?» – около четверти зала подняли руки. На вопрос же, многие ли знают свой знак зодиака, руки подняли все».

«Люди требуют истину, но любой рекламодатель знает, что истина – плохой продавец товаров. Исследования, представленные Американской Маркетинговой Ассоциацией, показали, что правдивые рекламы не работают, а лживые приносят успех за счет того, что создают в клиентах «закупочное» настроение. Именно из-за ненадежности зрения, ненадежности памяти, из-за желания человека, вследствие внушенных ему убеждений, поверить во что угодно, касается ли это религии, автокатастроф или жизни вымышленных персонажей, – суфии утверждают, что прежде, чем человек сможет видеть даже обычные вещи в их истинном свете, необходимо достичь объективного восприятия».

Каким бы удручающим ни было истинное положение вещей, оно не безнадежно. «Люди могут делать только то, что могут в данный конкретный момент. Возможно, им, придется дожидаться перемены обстоятельств, что позволило бы искать более высоких целей».

И, наконец, «обусловленность» – феномен, известный в суфийской традиции и только недавно получивший признание у западной психологии, которая, в отличие от суфиев, не склонна считать современного человека примитивным:

«Примитивному человеку свойственно придавать огромную важность тому, что глубоко затрагивает его чувства... Факт состоит в том, что эмоции повышают

чувствительность человеческого мозга. Если сразу за переживанием не последует правильного объяснения происходящего (например: «вам всего лишь удалили зуб»), то на место объяснения встает сильное чувство зависимости от источника (даже предполагаемого источника) стимулирования. Вместо объяснения мозг прибегнет к псевдообъяснению...

Сознательная или бессознательная тактика многих религиозных, политических, социальных, племенных, психологических, схоластических и других догматических объединений как раз и состоит в том, чтобы создать подобную ситуацию, подстроив так, чтобы к моменту эмоционального пика командующая идея, завладевшая умом человека, была именно той идеей, которую данная система стремится распространить.

...Первостепенная задача состоит в том, чтобы сделать учащегося способным увидеть себя как жертву этих сил, и делать это необходимо до того, как он присоединится к организации или примет догму».

И на прощание – подарок! Набор удивительных сказок из сокровищницы суфийской традиции.

«Боишься ли ты потерять, что имеешь, и опозориться? – спрашивает дервиш Искателя истины – Боишься ли ты советов и помощи?»

«Я делаю всего лишь то, что делают другие, и избегаю того, чего другие избегают», – отвечает тот.

«Ты делаешь только то, – сказал мудрец, – что делают некоторые другие, а некоторые другие – не делают, и это свое поведение ты приписываешь всем другим».

Путь, по которому следует Искатель, полон невзгод и опасностей, но ведь, как известно любому мореплавателю: «Самое безопасное место на берегу».

И всё-таки достаточно «ищущих», которые становятся «нашедшими»...

«Вопрос: ...А все-таки, как же остальным прийти к этому пониманию?..

Ответ: Им легко прийти к пониманию, если они действительно хотят учиться...»

Об авторе

Идрис Шах, Великий Шейх суфиев, писатель и учёный, родился в Симле (Индия) в известной семье Хашимитского рода[1 - Хашимиты – потомки Хашима, прадеда пророка Муххамада.]. Родословная и титулы семьи Идриса Шаха восходят к Пророку Мухаммаду, что подтверждено и засвидетельствовано докторами исламского права в 1970 году. Его обучением занимались частные наставники на Востоке и на Западе во время его странствий, а также на него оказали влияние его многочисленные встречи с людьми в разных концах света. За свою жизнь он совершил немало путешествий, что характерно для суфийского образования и развития. В соответствии с суфийской традицией, вся его жизнь, в сущности, была посвящена служению. Его знания и интересы казались безграничны, а его усилия и достижения обнаруживались во многих странах и в самых неожиданных областях человеческой деятельности.

Шах был директором по науке Института Культурных Исследований – образовательной организации, поддерживающей изучение человеческой мысли в сфере взаимодействия различных областей знания и культурного обмена. Он был советником ряда монархов и глав государств, членом и одним из основателей Римского Клуба, членом правления Королевского Гуманитарного Общества, а также – Королевского Госпиталя и Дома Неизлечимо Больных; основателем издательского дома Октагон Пресс.

Идрис Шах (1924-1996) был автором серии книг по истории и развитию культуры, он опубликовал разнообразный фольклорный материал, формировавший и формирующий различные культуры; он писал книги для детей, книги по психологии и социологии, по взаимодействию культур в процессе формирования цивилизаций Востока и Запада – больше тридцати книг на различные темы, в том числе путешествия, библиографии, собрания сказок, юмористические произведения, книги философского и антропологического характера. Произведения И.Шаха переведены на 12 языков и их автор известен по всему миру. Книги его были изданы общим тиражом свыше 15 миллионов экземпляров на 12 языках мира и награждены многими международными премиями. Мировая

печать всегда живо откликнулась на них в лице таких ведущих изданий, как Нью Йорк-Таймс, Трибьюн и др. Своими публикациями Идрис Шах создал общекультурный духовный феномен (как в литературе, так и в областях им затронутых), изменивший современные представления о человеке, о его социальной и духовной функции в мире, о его природе и предназначении.

В своих книгах Идрис Шах предпринимает широкомасштабную попытку представить картину деятельности суфиев на протяжении новейшей истории и в наши дни. Преодолевая на первых порах сопротивление определённых представителей учёного мира и догматически настроенных теологов, Шах вынес суфизм из кабинетов учёных, до той поры считавших его своей вотчиной, отказав при этом разномастным “эзотеристам” в их претензии на участие в нём, и сделал суфизм доступным широкой читающей публике.

Идрис Шах приглашает читателя подойти к суфийским идеям и испробовать их на себе. Его отрезвляющий голос весьма отличен от эзотерического гвалта последних десятилетий. Работы его отличаются живостью и современным духом, вводя нас в мир традиционной психологии, литературы, философии и суфийской мысли и обеспечивая, таким образом, широкий исторический и культурный контекст для суфийской мысли и действия.

Работы И. Шаха получили широчайший резонанс в литературной и научной среде Запада и Востока. Методы и образцы подходов к самым различным вопросам, разбросанные на страницах его книг, стали использоваться совершенно разными людьми, и каждый из них применял эти методы в своей области. С лёгкой руки Идриса Шаха в течение последних десятилетий произошёл неожиданный скачок в развитии таких областей, как психология, социология, философия, образование, антропология и художественная литература. На развивающий стимул, заложенный в произведениях Идриса Шаха, отозвались такие известные люди как поэт Роберт Грейвс, писательница Дорис Лессинг, социолог Леонард Левин, психологи: Артур Дейкман – основатель одной из школ психотерапии, а также один из основоположников теории правого и левого полушарий мозга – Роберт Орнштейн. Современное литературоведение выявило, что суфийская традиция являлась фундаментальным источником вдохновения и в творчестве Луиса Борхеса (Giovanna de Garayalde Jorge Luis Borges: Sources and Illumination, London, The Octagon Press, 1978).

«Представьте себе, что Эйнштейн взял бы один из аспектов своей Теории Относительности и «подсунул» его астроному, а другой аспект, скажем, –

биологу и т.д. Вполне вероятно, что после этого в различных областях науки начались бы поистине революционные процессы, хотя при этом никто бы даже и не подозревал, что ко всему этому приложил руку мастер.

Не исключено, что нечто подобное происходит сегодня... Возможно, Идрис Шах как раз и есть тот самый человек за сценой, который дал импульс подобным процессам...», – писала лондонская газета «Evening News».

Многие университеты и колледжи Востока и Запада ввели его работы в программы изучения таких дисциплин, как психология, социология и литература. В 1969 году Международным Словарём Биографий он награждён Премией за заслуги в области служения человеческой мысли. Из других его наград – «2000 выдающихся людей» (1971 г.); Шесть первых призов, выделенных ЮНЕСКО в международный год книги; он также состоит в списке «Кто Есть Кто Среди Золотых Медалистов Поэзии» (1975 г.). В некрологе о нём, помещённом в лондонской Дейли Телеграф, сообщается: «Его воздействие не поддаётся оценке, а его наследие – неизмеримо. Говорят, он был Суфийским Учителем Века».

1

Рассказы о классических мастерах

Молитва о дожде

Среди мудрых ходит история о том, как в местечке Каср аль-Арифин случилась однажды великая засуха, и пришли к Мастеру Бахауддину Накшбанду люди, прося его помолиться, чтобы испросить у Бога дождя.

Мастер вел их по улицам, пока они не увидели женщину с младенцем на руках.

– Молю тебя, накорми это дитя! – обратился к ней Мастер.

– Я сама знаю, когда кормить ребенка, – сказала женщина, – ведь я – его мать!
Зачем ты вмешиваешься в дела, которые происходят неведомым тебе образом?

Бахауддин велел записать слова женщины и прочесть их толпе.

Одно без другого

Записано, что однажды к Ахмаду Ясави, суфийскому мастеру из Туркестана, пришел человек и сказал:

– Учи меня без книг и позволь мне учиться пониманию без посредничества мастера, чтобы ничто не стояло между мной и Истиной, ибо все люди бранны, а чтение книг не просвещает меня.

Ясави сказал:

– Ты хочешь есть, не пользуясь ртом, и переваривать пищу, минуя желудок? Быть может, ты еще хочешь ходить без ног и покупать, не расплачиваясь? Я смог бы удовлетворить твоё желание, но не ранее, чем ты сумеешь избавиться от физических органов своего тела, подобно тому, как ты хочешь избежать всего, что задумано для духовных органов.

Вообрази себе хотя бы на одно мгновение, смог бы ты есть без пищеварительной системы; смог бы ты обратиться к суфиям, прежде чем услышал о них посредством слов, которых ты так не любишь, или желать мудрости без ее источника, соответствующего твоему состоянию?

Забавно, наверное, проводить время, размышляя о том, чтобы учиться без основы, каковой являются книги, и получать опыт без учителя. Столь же забавно предаваться мечтаниям о магии и чудесах. Но каков неизменный результат от этой деятельности, кроме развлечения?

Непослушание Моисея

Согласно Абу-Талибу Макки, Моисей рассказывал истории о том, как он смог научиться расширить свое понимание, уйдя от узких предположений к правильной перспективе.

Моисей болел, и ему предлагали самые разные лекарства от его болезни. Но он отказывался, ссылаясь на то, что ему поможет Бог.

Однако Бог, как говорят, повелел Моисею воспользоваться лекарствами, сказав ему:

- Отказываясь принять миссию лекарств, ты ставишь под сомнение мудрость Того, Кто наделил их целебными свойствами!

Потому и существует поговорка «Богу доверяй, а верблюда привязывай». Если бы от тебя не требовалось никаких действий, зачем бы вообще нужна была такая вещь, как верблюжья узда?

По тому же поводу Хазрат Бахауддин Накшбанд из Бухары сказал как-то: «Если вянувший лист своим видом говорит тебе, что ему нужна вода, а ты в силах помочь ему, то это и есть твой долг; эти «слова» листа – не что иное, как проявленное указание Создателя листа, и «слова» эти обращены к тебе. Если ты настаиваешь на личном повелении Творца, задайся вопросом: для чего тебе предоставлены средства общения – затем ли, чтобы пренебрегать ими?»

Яд – в противоядие

В городе Бистаме жили двое вельмож, питавших друг к другу неприязнь из-за какой-то давнишней ссоры. Однако оба они мечтали об одном и том же – они хотели узнать тайну происхождения человека и его предназначения у знаменитого мудреца Али-Бега, жившего на окраине Персии.

Но Али, прежде чем назначить им встречу, написал Ибн-Хамзе, другому мудрецу, жившему возле Бистама, и попросил поговорить с вельможами от его имени.

Тот и другой отказались от встречи с Ибн-Хамзой.

Первый вельможа сказал:

- Мне нужен корень, а не ветка!

Второй воскликнул:

- Кто такой Ибн-Хамза?!

Тогда Ибн-Хамза начал распускать самые невероятные слухи об этих двух претендентах на просветление. Прошло несколько месяцев, и вот, когда злостные сплетни стали доходить до них со всех сторон и они выяснили, что источником этих небылиц был Ибн-Хамза, аристократы оскорбились до глубины души. Объединенные общим чувством негодования и даже позабыв о своей былой ссоре, они поспешили к Ибн-Хамзе и ворвались к нему в дом, пренебрегая всеми мудрыми советами, которые слышали на протяжении всей своей жизни.

- Знаешь ли ты, мерзкий негодяй, почему мы пришли к тебе?! - заорали они, оказавшись перед Хамзой.

- Да, конечно, - ответил Ибн-Хамза, - я знаю, зачем вы пришли.

Во-первых, потому что Али-Бег хотел продемонстрировать, насколько в основе своей поверхностна ваша «глубокая» неприязнь друг к другу.

Во-вторых, надо было показать вам, что поверхностными чувствами каждого из вас легко манипулировать и вас можно вынудить прийти сюда вопреки вашему нежеланию.

В-третьих, несмотря на то, что вы ослушались повелений Али-Бега, вам все же можно было показать, что некоторые желания должны исполняться.

В-четвертых, вы здесь, чтобы присутствующие тут в данный момент люди смогли чему-то научиться, и, сами того не сознавая, вы в этой ситуации можете быть для них учителями.

В-пятых, потому, что Али-Бегу и мне необходимо было убедить местных жителей, отравленных ядом подозрения и получающих удовольствие от сплетен вроде тех, которые я распространил о вас двоих, что мы, люди сердца, не являемся неизбежно их жертвами, но что мы также знаем, как обратить их разрушительные действия против их собственной разрушительности.

В-шестых, вы здесь потому, что в результате всех этих событий, фактов и объяснений существует возможность превратить яд в противоядие, а орудие разрушения – в инструмент созидания.

Оружие

Хаким аль-Мансури был великим мудрецом из города Балха, что в Средней Азии. У него были тысячи учеников, и одно только его присутствие при дворах царей обеспечивало законность их власти.

Однако говорил он очень редко. А если и говорил, то слова его не затрагивали круг духовных интересов. И тем не менее многие великие мастера Суфийского Пути объясняли свои достижения тем, что сидели за его столом, или провели время в его доме для гостей, или даже тем, что общались с его учениками или просто работали в его доме.

Однажды один знаменитый проповедник – Квари Мухтар – вызвал Хакима на диспут по вопросам философии. Он заявил, что аль-Мансури вообще не был просвещен в мудрости и не говорил о серьезных вещах просто потому, что был в них несведущ.

Аль-Мансури отправился в Герат, туда, где его оппонент преподавал в знаменитой школе. Каждого из участников диспута сопровождали сотни учеников и огромная толпа городских жителей, не желавших пропустить состязание двух гигантов.

Квари, как пославший вызов, начал свою речь с осторожной, тщательно продуманной фразы, очевидно, готовясь к основательному наступлению. Не прошло и минуты, как вдруг Хаким встал и указал пальцем на Квари, отчего тот

застыл, оборвав свою речь на полуслове, после чего кинулся прочь из зала.

По пути домой, когда восторженная толпа громогласно приветствовала Мастера, один из учеников спросил его:

– Почему ты предпочел поразить своего соперника параличом, вместо того чтобы опровергнуть его доводы?

Хахим ответил:

– Если у тебя в руках меч, разве будешь ты кидаться в противника комьями грязи? Даже мартышка не станет дразниться, если сможет сделать что-то большее. Этот человек хотел победить меня, а не узнать Истину.

Слоновье мясо

Ибрагим Кхавас[2 - Ибрагим Кхавас (Абу Исхак Ибрагим ибн Ахмад аль-Кхавас, Пальмовый Ткач) умер в 910 году н.э.. Он был товарищем Джунайида Багдадского и Нури. Имя Кхаваса ассоциируется с обучающими рассказами, которые могут пониматься как на обычном уровне, так и способствовать более глубокому пониманию человека. Приведенная история сохранилась в книге Аль Танухи “Аль Фараджба аль-шидда”, написанной в X веке. Ее название может быть переведено как “Освобождение [наступающее] после лишений”, и она содержит много таких обучающих историй. Хотя наша история построена как рассказ о путешествии, в ней аллегорически изображены верные и неверные способы подхода к человеческому развитию и намерениям и их оценка.] передал эту обучающую историю, которую использовали с целью выявить уровень понимания тех, кто изучает суфизм.

Вместе с несколькими суфиями я плыл на корабле по морю, как вдруг наш корабль потерпел крушение, и мне с несколькими товарищами удалось выбраться на безлюдный берег.

Мы не знали, где находимся, к тому же у нас не было еды. Похоже было, что все мы погибнем, потому что дни проходили за днями, не подавая надежды на

спасение.

Мы обсудили свое положение и решили, что каждый из нас даст обет совершить что-либо доброе или впредь воздерживаться от чего-то злого, что отдаляет от Господа. Таким образом, думали мы, практика искренности поможет нам выбраться из нашего беспомощного положения.

Каждый произнес свою клятву: один поклялся, что с сегодняшнего дня он будет постоянно поститься, другой обещал столько-то раз в день молиться, третий поклялся пешком совершить паломничество по святым местам. Каждый дал клятву либо отказаться от тех или иных удовольствий, либо отныне совершать поступки, освященные религией.

Наступила моя очередь произнести клятву, и меня попросили высказаться. Я собрался было дать какой-то обет, как вдруг безо всякого размышления и рассуждения мне пришло в голову сказать:

– Я никогда не стану есть слоновье мясо!

Тут все как закричат на меня:

– Сейчас не время для шуток! Мы находимся на грани жизни и смерти!

Я же отвечал:

– Клянусь Богом, я вовсе не имел в виду ничего такого. Пока вы давали свои обещания, я обдумывал все то хорошее, что могу сделать, и то плохое, от чего мог бы отказаться, но что-то не позволило мне выбрать ни то, ни другое. Я сказал первое, что пришло мне на ум просто так, без раздумий. Возможно, какая-то божественная Мудрость внушила мне эту идею и вдохновила меня сказать это.

Затем наша группа решила исследовать местность, в которую нас забросило, чтобы найти какую-нибудь пищу. Назначив место встречи и договорившись, что все съедобное будет разделено поровну, все отправились на поиски.

Мои товарищи, отойдя совсем недалеко, заметили молодого слона и решили, что его мяса вполне хватит, чтобы не умереть с голода.

Слоненка убили, а мясо приготовили на костре. Хотя мне предлагали присоединиться к трапезе, я не мог этого сделать и сказал:

– Все вы были свидетелями, что я поклялся воздерживаться именно от этого, как же я могу нарушить свою клятву? Возможно даже, сам Бог, желая моей гибели, вдохновил меня принести именно эту клятву. в любом случае нарушить клятву для меня совершенно невозможно.

И вот, когда после еды все улеглись спать, мы были разбужены трубным гласом разъяренного слона, бежавшего к нам. От его топота сотрясалась земля, и всех обуял страх. Предвкушая неминуемую смерть, мы лишились всякой надежды на спасение и стали шепотом повторять Шакаду (Символ Веры), как принято перед лицом смерти.

Подбежав к нам, слон вытянул хобот и принялся обнюхивать всех по очереди. При этом он насмерть затоптал моих спутников, одного за другим, учуяв исходящий от них запах жареного слоновьего мяса. Наконец он добрался до меня.

В смертельном ужасе я лежал на земле, повторяя Символ Веры. Слон обнюхивал меня еще и еще, но не так торопливо, как моих спутников. Затем он обхватил меня хоботом, и я подумал, что он собирается разделаться со мной каким-то особенным образом. Но он посадил меня к себе на спину и тронулся прочь, то медленным шагом, то переходя на бег, и так шел очень долго.

Сидеть на спине у слона было жестко и неудобно, но все же появилась надежда, что мне как-нибудь удастся сбежать.

Наступил рассвет, когда слон снял меня со спины и, опустив на землю, побежал назад, туда, откуда мы пришли. Я находился в полном недоумении относительно причин его действий, к тому же по-прежнему был полон страха. Между тем слон, наконец, исчез за горизонтом.

В благодарность за спасение я вознес хвалы и молитвы Господу. Когда стал ощутим полуденный зной, я огляделся и обнаружил, что нахожусь на обочине

широкой дороги.

Я пошел по ней, и в скором времени она привела меня в многолюдный город. Тамошние люди, услышав мою историю, были немало удивлены, так как место, где мы потерпели кораблекрушение, находилось в нескольких днях пути от их города.

Проведя какое-то время в этом городе и восстановив силы, я смог вернуться в свою страну целым и невредимым.

Щедрость

Как повествует великий учитель Сахл из Тустара, Бог сказал Моисею, что истинное самопожертвование во имя других составляет основу величайшей способности восприятия божественного: такое исключительное самопожертвование было дано Мухаммеду и его последователям.

Имам Газали в третьей книге своего «Возрождения Религиозных Наук» повествует, как человек, прославивший щедрым, узнал, что такое подлинная щедрость.

Черный раб и собака

Абдуллах Ибн Джафар, имевший фруктовый сад, отправился однажды в свои владения. Проходя мимо виноградника, он увидел сидящего на земле черного раба. Перед ним лежал хлеб, а поблизости стояла собака.

Абдуллах стал наблюдать за ним и увидел, что раб отломил кусок хлеба и бросил собаке, которая тут же проглотила его. Затем раб кинул собаке еще кусок и еще.

Абдуллах спросил:

- Сколько хлеба дают тебе на день?

- Столько, сколько съела собака, - ответил раб.

- Почему же ты отдаешь хлеб собаке, а не заботишься прежде о собственных нуждах? - спросил Абдуллах.

- В этих местах собаки не водятся, эта же пришла издалека и очень голодна. Поэтому мне расхотелось есть свой хлеб.

- Но сам-то ты что будешь есть сегодня? - спросил щедрый Абдуллах.

- Я перетерплю голод! - ответил негр.

Абдуллах подумал: «Я пользуюсь репутацией щедрого человека, но этот раб превзошел меня в щедрости!»

Абдуллах купил виноградник и подарил рабу, выкупив его также из рабства и сделав свободным.

Принцип группирования

Некий король, придя к мудрецу Бахауддину Накшбанду, Мастеру Узора, присутствовал на собрании его учеников.

По окончании, когда все принялись за трапезу, он спросил мудреца:

- О, Учитель Века! Во время беседы твои ученики сидят полукругом несколькими рядами, что очень напоминает заседание моего придворного совета. Есть ли в этом порядке какой-то смысл?

Бахауддин ответил:

– О, Повелитель Мира, скажи мне, по какому принципу рассаживаются твои придворные, чтобы я мог объяснить тебе, в каком порядке, согласно своему рангу, располагаются Искатели.

– В первом ряду, – сказал король, – сидят те, к кому я особенно благоволю, и потому они ближе всех ко мне. Второй полукруг образуют наиболее важные и могущественные люди в государстве, а также иностранные послы. Третий ряд составляют менее значительные лица.

– В таком случае, – сказал Шах, – мы рассаживаем людей с совершенно другим намерением, чем то, которым руководишься ты. Те, кто сидит ближе ко мне – туговаты на ухо, так они могут лучше слышать. Средняя группа состоит из невежественных, чтобы они могли сосредоточить свое внимание на Учении. Дальше всех находятся Просветленные, для которых близость такого рода не имеет значения.

Запах и реальность

Однажды вечером после ужина Мастер Бахауддин сидел в окружении большого количества новоприбывших, старых и молодых, всех жаждущих учиться.

Воцарилась тишина, и Мастер поинтересовался, есть ли у кого-нибудь вопросы.

Кто-то спросил:

– Какова самая большая трудность в изучении и обучении Пути?

Мастер ответил:

– Людей привлекают внешние аспекты. Их привлекают проповеди, слухи, рассказы и вообще все, что возбуждает их, подобно тому, как на пчел действует запах цветов.

– Но как же иначе, – спросил человек, – люди могут приблизиться к мудрости, а пчелы – к цветам?

Мастер ответил:

– Всевозможные сообщения и шум проповеди, чтения и возбуждения приближают человеческое существо к мудрости. Но, даже приблизившись к ней, человек продолжает требовать все больше и больше того же самого, что их привело к мудрости, а не того, что может дать мудрость, ради чего она, собственно, и присутствует в том или ином месте.

Пчелы находят цветы по запаху, но, оказавшись возле цветка, они не требуют все больше и больше запаха. Они припадают к источнику нектара, который должны собрать. Нектар можно уподобить Реальности, содержащейся в мудрости, а рассказы и фантазии о ней подобны запаху.

Поэтому «подлинных пчел» среди людей очень мало. Почти все пчелы, будучи приспособлены к собиранию нектара, и в самом деле являются пчелами, тогда как далеко не все человеческие существа являются пока людьми в смысле своей настроенности на восприятие того, ради чего они были сотворены.

Затем Мастер сказал:

– Пусть встанут те, кто пришел сюда, в Каср аль-Арифин, в результате чтения.

Многие поднялись.

– Теперь встаньте те, кто пришел сюда, потому что услышал о нас, – продолжал Мастер.

Встало еще больше людей.

– Оставшиеся сидеть, – продолжал он, – это те, кто пришли сюда потому, что восприняли наше присутствие и нашу подлинность каким-то иным, тонким образом.

Среди стоящих здесь – и старых, и молодых – многие просто хотят, чтобы их чувства снова и снова будоражили, они жаждут возбуждения или умиротворения. Но прежде чем эти люди смогут обучаться тому, чего больше нигде не испытаешь, они должны требовать знания, а не того, что их привлекло.

Затем Бахауддин сказал:

– Есть люди, которых привлекает авторитет учителя, и они пускаются в путь, чтобы посетить его и пережить те же самые ощущения, только более сильно. Когда учитель умирает, они по той же причине посещают его могилу.

До тех пор, пока их стремления не будут преобразованы, как в алхимии, они не найдут Истину.

И еще он сказал:

– Есть люди, приходящие к учителю не потому, что слышали о нем как о величайшем из живущих наставников, не потому, что хотят посетить его могилу, а потому, что они познали его внутреннюю Реальность. Когда-нибудь все люди будут владеть этим даром.

И еще Бахауддин, Мастер Узора, сказал так:

– Работа, которая, в конечном счете, будет выполнена за многие поколения, должна пока свершиться в одном и том же индивидууме. Чтобы стать Моисеем, тебе придется превзойти своего Фараона. Человек, которого привлекала репутация учителя, должен стать другим человеком. Он должен стать тем, кто находится рядом с мудростью, потому что ощутил ее внутреннюю Реальность.

Прежде чем человек сможет учиться, он должен знать цель этой Работы. Пока он не научится этому, он – всего лишь дервиш. Дервиш желает, суфий – воспринимает.

Еретик

Рассказывают, что однажды имама аль-Газали пригласили в собрание законоведов, и председатель обратился к нему:

– Ты – ученый человек, мы тоже из числа ученых. к тебе, как к ученому, за толкованиями Шариата, Священного Закона, приходит простой народ. Нам сообщили, что некоторым из этих людей ты советуешь не соблюдать пост в священный месяц Рамадан. Говорят, будто ты заявил, что некоторым не нужно совершать паломничества в Мекку. Есть также сведения, что ты сделал выговор людям за то, что они произносили «Нет бога, кроме Аллаха». Такие вредные высказывания, если они подтвердятся, будут для нас свидетельством твоего безбожия. До сих пор тебе удавалось избежать казни за отступничество только благодаря твоей репутации. Люди имеют право на то, чтобы их защищали от таких, как ты.

Газали вздохнул и ответил:

– Священный Закон Ислама гласит, что люди, не вполне понимающие Закон и его значение, не подвластны действию Закона и осуждению по статьям Закона. к ним относятся дети и слабоумные, но сюда следует отнести также и тех, кто лишен понимания. Если человек не воспринимает внутренней реальности поста или пускается в паломничество ради того только, чтобы пострадать, или, не имея веры, произносит Символ Веры, то это значит, что он лишен понимания, и надо не поощрять такое поведение, но нужно привести этого человека на путь понимания. Говоря твоими же словами, люди имеют право на защиту от таких, как вы, ибо вы награждаете их за то, в чем нет заслуги, и наказываете за то, в чем нет преступления.

Если человек сломал ноги и не может ходить, неужели вы прикажете ему ходить или дадите ему костыль? Может быть, вы все же будете лечить его?

Именно предсказывая появление таких, как вы, Пророк сказал: «Ислам пришел как чужой, чужим и уйдет». Понимание смысла вещей лежит за пределами ваших намерений, вашего обучения и ваших способностей. Вот почему вам не остается ничего другого, кроме запугивания людей смертью за отступничество. И все же отступники – не я, а вы.

Сосед

Имам Абу Ханифа, один из великих суфиев, считается основателем Ханифитской школы Закона. Он был настолько независим, что никогда не появлялся при дворе, несмотря на все старания султана привлечь внимание самого прославленного мудреца того времени.

Сосед Абу Ханифы был сапожником и изрядным выпивохой. Каждый вечер буйные крики пьяницы нарушали медитации имама, но имам не жаловался.

Однажды ночью привычные крики не доносились из комнаты сапожника, и имам, придя справиться о здоровье соседа, узнал, что стражники султана арестовали его. Он тут же поспешил во дворец к халифу Мансуру.

При виде имама охрана взяла на караул, офицеры и придворные склонились в поклоне, а эмиры поднялись со своих мест. Сам халиф подошел к дверям тронного зала, дабы встретить Абу Ханифу: он подвел его к трону и усадил на свое место.

– Могу ли я осведомиться о причинах чести, оказанной нам этим визитом? – спросил халиф.

– Сапожника, живущего со мной по соседству, арестовали, и я пришел просить о его освобождении, – сказал имам.

– Но этот человек безбожный пьяница, – сказал капитан гвардии.

– У этого человека нет друзей, – ответил имам, – к тому же он мой сосед.

И сказал халиф:

– О, славный имам! Ваше духовное благородство должно получить надлежащую оценку. Вы просите за одного заключенного. Наше великодушие не уступает вашему, и посему я приказываю немедленно освободить всех узников до единого во всей Исламской империи.

Учение

По пути в Багдад на караван, с которым путешествовал суфийский мудрец Саади из Ширази, напали разбойники.

Когда разбойники велели Саади отдать им его имущество, он протянул атаману стопку книг и несколько золотых монет.

– Это мой дар тебе, – сказал он, – поэтому не считай, что ты это украл, но воспользуйся этим во благо.

Разбойники покатались со смеху, а атаман ухмыльнулся:

– Уж не собираешься ли ты учить нас добру?

– Нет, – ответил Саади, – не думаю, что могу научить чему-то вас. Я только надеюсь, передавая вам эти вещи – книги и деньги – по собственной воле, получить кое-что от вас.

– И что же это?

– Найдите мудрого человека, отдайте ему эти книги и оплатите его содержание. Пусть он научит хотя бы ваших детей тому, какое зло проистекает из воровства, чтобы им не пришлось повторять ваших ошибок.

Четыре типа

Говорят, что Бахауддина Накшбанда однажды спросили о различных типах людей, ищущих высшего знания.

Он сказал: «Я отвечу с помощью аллегории. Мой рассказ не надо воспринимать буквально, он только отражает природу человеческого существа».

Вот эта история:

Среди преданий о Любящих Истину есть предание, повествующее о том, что у душ, когда их создавали, еще до появления тел, спросили, каким способом они хотели бы путешествовать в мире.

Души разделились на четыре группы. Первая пожелала путешествовать пешком – наиболее безопасным способом передвижения. Вторые выбрали лошадей, так как такое передвижение требует меньше усилий. Третьи, дабы не ведать преград на своем пути, пожелали оседлать ветер. Четвертые избрали свет, посредством которого они могли бы понимать, равно как и передвигаться.

Эти четыре группы существуют до сих пор, и все люди до сих пор ведут себя согласно какому-то из этих предпочтений. Те, кто является пешеходами, ограничены в пространстве и в скорости. Это имитаторы. Всадники – это те, кто полагается на книги, таким образом, их несет конь убеждений автора. Третья категория – это те, кого носит по всему миру, словно по воле ветра, и четвертая категория – это суфии.

Что касается познания, то первая группа привязана к низшим и будоражащим чувства культам; вторая – к ревностно проповедуемым идеям; третья – к системам по собственному выбору и почину, включая понемногу что-то оттуда или отсюда, что-то там; четвертая – это суфии.

О способностях людей можно судить по тому, какой способ путешествия они выбрали. Первая группа интересуется тем, что считает техническими приемами; вторая группа – захватывающими идеями и сообщениями; третья группа увлекается то тем, то другим, а четвертая – это те, кто узнает истинную суфийскую Реальность.

Сегодняшние угли...

Передают, что Бахауддин Накшбанд рассказывал:

– Меня пригласили выступить в некоем собрании, где присутствовали и образованные, и невежественные люди. Сошлось огромное множество народа, внимательного и заинтересованного, но исходя из того, что я увидел и

почувствовал там, среди них в тот момент не было ни одного «человеческого существа».

Людам, которых я взял с собой, чтобы продемонстрировать им ограниченность воздействия на неподходящих индивидуумов, я сказал:

– Колодец росой не наполнишь, а листик, утонувший в нем, – уже не найдешь.

Свое выступление я начал словами:

– Суфии – нечестивы. Они следуют тайному учению, к которому не допускают простых людей. Высокое положение, которое занимают многие из них, достигнуто благодаря использованию запрещенных сил. А теперь скажите мне, хотите ли вы быть суфиями?

Почти все присутствующие покачали головами в знак отрицания.

Затем я продолжил:

– Сказанные мной слова принадлежат невежественному и тупому чурбану – правителю Куфы, которого вы хорошо знаете. Как вам известно, он был фанатиком, убийцей и врагом рода человеческого. Его потребность представлять суфиев именно таким образом не должна никого удивлять.

Вы же, присутствующие здесь, знаете, что суфии – избранники среди людей. Кто из вас рискнет назвать себя суфием?

При этих словах все встали.

– Таким образом, – закончил Бахауддин, – напыщенность (аб о таб) вырастает из тщеславия (гхурур), которое является проявлением «командующего я» (нафс-и аммара). Сегодняшние угли – завтрашний пепел.

Закон обратного действия

Однажды некий человек посетил аль-Шаха Бахауддина Накшбанда и попросил дать ему руководство, как вести себя, как прожить жизнь, что делать и чего не делать.

Мастер пригласил на обед нескольких своих учеников и предложил этому человеку повторить свою просьбу.

Когда тот снова задал свой вопрос, шейх Бахауддин сказал:

– Ты должен вести праздную жизнь, обеспечивать себя воровством и отдавать мне часть денег. Перестань молиться и перестань следить за своей внешностью, всегда старайся во всем превосходить других. Короче, хитрость и отсутствие принципов принесут тебе успех в жизни.

Пока Мастер говорил, в посетителе нарастало все большее беспокойство, и, как только Бахауддин замолчал, он выбежал из комнаты.

Спустя несколько недель Бахауддин спросил, нет ли каких-нибудь новостей об этом кандидате в ученики.

– Да, – ответили ему, – он ведет примерную жизнь в Самарканде. А еще он рассказывает всем, что вы – сатана и что вы пытались сбить его с пути истинного.

Бахауддин засмеялся и сказал:

– Если бы я посоветовал ему жить праведной жизнью, он не послушался бы меня, потому что ему вдалбливали это с детства. На самом деле он страстно желал чего-то совсем иного, пусть даже сомнительного, но, когда я атаковал его внутреннее «эго» описанием этого иного образа жизни, он осознал, что лучше уж ему оставаться послушным и добродетельным человеком.

– Но как же быть с тем, что он порочит ваше имя и называет вас искусителем? – спросил ученик.

– Кто верит в зло – тот участвует во зле, – сказал Мастер. – А я уверен, что ученые Самарканда не таковы.

Сокровище

От самых древних суфиев, через многих их преемников, от школы к школе, которые создавались, распадались и возрождались вновь, переходило предание, что рассказ о сокровище воздействует на человеческое сознание, развивая понимание глубины в тех, кто убежден, что глубоки только поверхностные чувства, что низменное является высоким, а поверхностное ничем не отличается от внутреннего:

СОКРОВИЩЕ

Несколько человек пришли к суфийскому Мастеру и стали домогаться его внимания, наперебой стараясь задать Мастеру свой вопрос, изложить свои убеждения или получить от Мастера личный ответ.

Когда Мастеру удалось, наконец, установить среди них порядок, первый человек сказал:

– Я потратил на поиски многие годы, но так ничего и не нашел.

Второй человек сказал:

– Я получил огромное удовольствие от своих поисков; наверное, в этом и была их цель?

Третий сказал:

– Иногда мне кажется, что я нашел, но затем я чувствую, что это не так, и надо продолжать поиски.

Четвертый сказал:

– Иногда я сомневаюсь в себе, иногда в учителях, иногда в самой Истине.

Мастер ответил:

– Есть сотни вопросов, и есть только один ответ, который вы сейчас услышите. Вот он.

Некие люди объединились с целью отыскать сокровище. Захватив с собой инструменты, они отправились туда, где был зарыт клад, и взялись за работу. Одни быстро устали и решили, что дело того не стоит. Другие, находя в земле глиняные черепки, на некоторое время убеждали себя, что именно это и есть сокровище. Иные, впервые ощутив удовольствие от тяжелой физической работы, воображали, что в этом и заключается радость поиска и обретения. Были и те, кто, глядя на горы извлеченного мусора и камней, приходили в уныние, ибо были слабы духом.

Были там и другие мужчины и женщины, которых переполняли самые разные чувства, потому что они определили срок окончания этой работы и придали собственную форму искомому. Когда же наступало загаданное ими время или находился предмет, соответствовавший их ожиданиям, они оказывались в плену собственного заблуждения и возбуждения.

Самые настойчивые нашли сундук с бесценным сокровищем. Те, кто стал жертвой замешательства и споров, не нашли. Пребывающие в замешательстве посвятили остаток своих дней поискам информации и объяснений, а те, кто был предан своей цели, унесли сокровище.

Возбужденные и обманувшиеся люди стали метаться от одного мудреца к другому, спрашивая, как им распознать сокровище, как его искать и можно ли вообще найти его. Мудрецы в один голос отвечали, что ничего не получится, пока сами они не станут такими же, как преуспевшие в этом поиске. Но люди эти искали не руководства, а лишь удачи в задуманном предприятии, ибо были убеждены, что для начала у них уже есть ум, тело и дух, необходимые для того, чтобы привести свой план в исполнение.

Разрешение на толкование

В силу особой природы суфийской литературы Учителя Пути часто давали разрешение толковать и объяснять свои писания достойным людям.

Разумеется, не все придерживались этого требования, и потому многие псевдосуфии сделали себе имя, претендуя на то, что могут обучать других с помощью книг суфийских Мастеров.

Сообщают, что однажды некий дервиш рассуждал о смысле одного из произведений блистательного поэта Джами, как вдруг какой-то слушатель проскользнул в лекционный зал, и, по мере того, как знаток все больше и больше углублялся в свои толкования, пришелец все чаще и чаще отрицательно качал головой.

Все стали оборачиваться на незнакомца, и, наконец, дервиш остановил на нем пронзительный взгляд и воскликнул:

- Ты смеешь не соглашаться со мной?!

- Именно так, - ответил человек.

- А есть ли у тебя разрешение великого Мастера Джами толковать его работы?!

- Нет.

- в таком случае, кто ты такой и по какому праву позволяешь себе эти шутовские выходки, подвергая сомнению слова такого специалиста, как я?

- Меня зовут Джами, - сказал гость и покинул зал.

Не их способом, но их способом

Вопрос: Я неоднократно слышал из уст суфиев фразу: «Не их способом, а их способом». Что бы это могло значить?

Ответ: Это технический термин, причем весьма полезный. Его употребляют при ссылке на какое-то сообщение, смысл которого находится в недоступном обычному мыслителю измерении. Есть два типа «их»: первая категория людей в этой фразе – обычные люди; вторая работает в другом измерении.

Возьмите, скажем, такую историю:

КАК ПОСТУПКИ ЧЕЛОВЕКА МОГУТ БЫТЬ БОЖЕСТВЕННЫМИ?

Сообщают (и это засвидетельствовано, например, в «Раскрытии сокрытого» Худжвири), что Пророк сказал:

«Много их, со сплешившимися волосами, покрытых пылью, одетых в лохмотья, на которых люди никогда не обращают внимания. Но если один из таких поклянется Богом, Бог подтвердит его клятву».

Это утверждение, похоже, предполагает, что тот, о ком говорится, – либо сам Бог, что, по мнению большинства, невозможно, либо повелевает Богом, что представляется тем более невозможным, либо его действия находятся в такой гармонии с Богом, что ему известны намерения Бога или он, будучи неким посредником, может вмешиваться в земные дела, а это, согласно привычным понятиям, тоже весьма спорная способность.

На самом деле природу деятельности этого индивидуума и гармонию его взаимодействия с Божественным промыслом следует понимать не «их» (интеллектуальным) способом, но «их» (проницательным) способом.

Суфийский поэт Джами в прекраснейших строках выразил это так:

«Ищешь ты добра или зла,

Живешь ли в скиту, в монастыре ли:

С точки зрения формы, ничто не является Им!

С точки зрения Истины, все – только Он!»

Однако помните также, что сказал Шабистари:

«Тот, кого Бог не наставил на Путь,

Не встанет на Путь, опираясь на логику»

Молитвы и ритуал

Вопрос: Я прочитал у Хариба Наваза цитату Мастера Самнуна Мухибба, в которой говорится, что истинно Просветленные – это «люди, которые никак не связаны с внешними молитвами, ритуалами и аскезой, но посвятили себя истинному созерцанию и служению». Но почему бы человеку не молиться? Что плохого в ритуалах? Кому не следует вести аскетический образ жизни?

Ответ: Когда молитвы, ритуалы и аскеза – всего лишь способ потакания себе, от них больше вреда, нежели пользы. Истинность такого высказывания сегодня стала совершенно очевидной благодаря широкому признанию того факта, что фиксация на ритуалах и их похвальное и полезное соблюдение – совсем не одно и то же. Человеку не следует молиться, если его молитва мотивируется тщеславием. Обряды вредны, если вместо просветления они приносят примитивные удовольствия, вроде эмоциональных стимулов; мужчина или женщина не должны практиковать аскезу, если это просто доставляет им удовольствие.

Долгое время все эти факты были известны, и духовные учителя ссылались на них. Но при отсутствии обучающих структур, предназначенных уберегать людей от ловушек, подстерегающих недостойных индивидов, вовлекающихся в эту деятельность, во всех религиях время от времени предавалась забвению сама цель, ради которой эти практики существовали, а затем выдвигалось предположение, что человек может стать святым уже только потому, что он осуществляет некоторые или все виды этой деятельности.

Истинный и ложный суфий

Вопрос: Я читал, что великий суфий Газур-Илахи с одобрением цитировал слова Шейха Яхья Мунира:

«Среди Мастеров Пути нет какой-либо единой манеры поведения. Один может много есть и спать, другой – поститься и бодрствовать всю ночь. Один проводит время в общении с людьми, другой сторонится их. Один одет в лохмотья, другой – в шелковые и льняные одежды. Тот – молчалив, а этот – оживленно разговаривает. Одни скрывают свою святость, другие выставляют ее напоказ. Некоторые служат всем людям – и благочестивым, и нечестивым; другие отказываются иметь что-либо общее со злом...»

Если все это так, как же узнать истинного суфия и почему они ведут себя настолько по-разному?

Ответ: Суфии ведут себя так, как это необходимо для осуществления их функции, из чего следует, что манера их поведения может быть весьма разнообразной. Опять-таки, не забывайте, что, перечисляя мирские аспекты поведения, Шейх Яхья говорит о поверхностном, вторичном и несущественном для суфия, следовательно, такое поведение второстепенно и сравнительно не важно. Вот почему разные люди ведут себя по-разному, и даже поведение одного и того же человека в разное время бывает разным.

Что касается вопроса, как узнать истинного суфия, то для истинного человека это не составит никакого труда. Хотя вы и читали, разумеется, процитированный вами отрывок, вы, вероятно, все же прочли недостаточно суфийской литературы, иначе знали бы, что вас можно сбить с пути только в случае, если что-то недостойное внутри вас самих притягивает вас к недостойному человеку. Не суфийское это дело – демонстрировать свои достоинства, и никто не в состоянии дать вам способ проверки суфия. Желаящий распознать истину должен сконцентрировать на предполагаемом суфии ту часть самого себя, которую он (или она) считает наиболее искренней.

Подобное притягивается подобным, истина – истиной, обман – обманом. Вас нельзя обмануть, если сами вы не обманщик. Видите ли, предположение, будто все искатели искренни и все, что им надо, – это испытать на честность духовного учителя, совершенно не соответствует реальным фактам.

Хитрость

Вопрос: Известно, что ваши слова и поступки (например, когда вы противостояте ученым), вызывают смятение и вражду. Для чего это надо?

Ответ: Я могу лишь рассказать вам историю, которую приводит Саади в своем «Бустане» и которая освещает одну грань такой ситуации:

Жил однажды старик, которому некий юноша помог небольшой суммой денег. И вот однажды старик увидел, как отряд солдат ведет этого юношу на казнь за преступление, которое тот якобы совершил.

Старик тут же закричал:

– Султан умер!

Среди солдат произошло такое замешательство и паника, что юноша, воспользовавшись этим, сумел бежать.

Старика арестовали и доставили во дворец к султану, который спросил его:

– Зачем ты поступил так и почему ты пожелал мне смерти?

Старик ответил:

– Мои слова о том, будто ты умер, не причинили тебе вреда, зато спасли жизнь другого человека.

И я рад добавить, что султан был настолько поражен этим объяснением, что велел отпустить старика.

Инструментальность

Вопрос: Какова роль ритуалов, верований и учебных занятий для суфия?

Ответ: Быть суфием и изучать Путь – значит находиться в определенной позиции. Позиция эта образуется под влиянием суфийских учителей, которые осуществляют «инструментальную функцию» в отношении искателя. Ритуалы, верования и изучения могут оказывать инструментальное воздействие, способствующее суфийскому развитию, только в том случае, когда они применяются правильно, и применяются людьми, не поддающимися под их привычное воздействие.

Это было достаточно ясно сформулировано Абуль Хасаном Нури более тысячи лет назад.

«Суфий, – говорит он, – это тот, кто ничем не связан и никого не связывает». Исходя из этого, все, что он делает, проистекает из свободного выбора, а не из принуждения или обусловленности. в этом же смысле он не привязан к вещам и не привязывает к себе других. Нури продолжает: «Суфизм – не доктрина и не мирское знание. Если бы он состоял из церемоний, то церемонии и должны были бы практиковаться (регулярно). Если бы это было обычное изучение, оно осуществлялось бы с помощью формальных методов. Фактически все дело в предрасположенности»[3 - Цитируется Фаридуддином Аттаром в его книге «Воспоминания о Святых».]

Такая предрасположенность и есть «позиция», о которой я говорил вначале, и она достигается в результате инструментальной функции, а не посредством привязанности или ритуалов.

Превратности учения

Вопрос: Если существует одно первоначальное Учение, то каким образом оно, передаваясь из поколения в поколение, столь превратно истолковывается и неверно используется?

Ответ: Существует поговорка «Все, что попадает в соляную копь, становится соленым». Учение – это манифестация в мире некой сути, и потому его внешняя форма и деятельность подвержены искажающему влиянию тех, кто пытается приспособить его к своей культуре, не понимая его внутреннего измерения. Послушайте, что случилось с женщиной по имени Мархума.

В своей книге «Иллахи-Нама» («Книга о Божественном») Фаридуддин Аттар рассказывает историю о добродетельной женщине по имени Мархума, чье имя означает «Та, на ком проявлена милость». Судьба ее олицетворяет превратности Учения.

Муж Мархумы вознамерился совершить паломничество в Мекку и оставил жену на попечение своего младшего брата. Прошло какое-то время, и брат, влюбившись в Мархуму, стал домогаться ее. Она отвергла его притязания, но он пригрозил ей тем, что если она ему не уступит, у нее будут неприятности. Женщина по-прежнему не уступала, и тогда он подкупил четырех свидетелей и обвинил ее в супружеской неверности. Судья признал Мархуму виновной и приговорил к смерти. Ее отвели на открытое место и побили камнями. Решив, что она умерла, люди оставили ее там и ушли.

Так Мархума пролежала всю ночь, а наутро, когда она очнулась, мимо проезжал араб – житель пустыни, и он услышал ее стоны. Он спросил ее, кто она. Женщина же ответила ему, что она больна, и он решил взять на себя заботу о ней.

Несколько дней спустя Мархума пришла в себя, и араб, увидев ее красоту, предложил ей стать его женой. «Но я уже замужем!» – отвечала она. Она так растрогала его своими мольбами, что он оставил ее в покое и стал относиться к ней как к сестре.

Араб владел рабом, который тоже влюбился в Мархуму и тоже был отвергнут. Затаив злобу, он решил отомстить женщине. У араба был прекрасный ребенок, и вот однажды ночью раб прокрался в господские покои и зарезал дитя, подсунув окровавленный кинжал под подушку Мархумы.

Когда наутро мать ребенка пришла, чтобы накормить свое дитя, она увидела, что он убит, и затем нашла кинжал под подушкой Мархумы.

Араб спросил Мархуму, почему она заплатила за его доброту таким ужасным деянием, но ей удалось убедить его в своей невиновности.

Но поскольку араб понимал, что после пережитого потрясения его жена до конца дней своих будет связывать лицо Мархумы с лицом смерти, ему пришлось выпроводить Мархуму из своего дома.

Манифестация Учения в форме сказок, упражнений, различных действий и мыслей всегда будет таким же уязвимым, как Мархума, и так же часто будет становиться жертвой предательства и непонимания грубых и невежественных людей. Количество форм, в которых предположительно предстает суфизм, безгранично: у некоторых из них светлый облик, другие связаны с отталкивающими историями, и все это – результат событий, подобных тем, что случились с Мархумой, когда ее муж отлучился из дома.

Присутствие и отсутствие

Вопрос: Я обнаружил, что от вас, да и от других уважаемых мной людей очень трудно получить ответ на волнующие меня вопросы. Днями напролет я «сидел у ног» выдающихся людей и не услышал от них ни слова. Может быть, вы прольете свет на эту загадку?

Ответ: Этот вопрос задавался уже много раз, и на него уже неоднократно отвечали. Мало того, что Руми писал: «Ответ сам по себе – еще не ответ», но и каждый из нас, побывав у суфия и не получив ответа, может извлечь из этого небольшой урок, который сводится к следующему принципу: суфий – не игровой автомат, запускаемый по вашему желанию и для вашего развлечения.

Теперь, что касается ответов. Вам, как и миллионам достойных людей, не только придется удовлетвориться ответом в то время, когда он вам дается, но также научиться извлекать максимальную пользу из любого ответа, который вам

случится получить от Мастера. Каким бы его ответ ни казался вам – неуместным, банальным, неприемлемым или равнодушным – на самом деле это не так.

Древние традиции

Вопрос: Я знаю, что многие мусульмане следуют Суфийскому Пути и что у многих классических Мастеров среди учеников были христиане, иудеи и другие. Этому есть много свидетельств, что ставит суфизм отдельно от мистицизма, основанного только на теологии, и отводит ему особое место в мире. Но хотя суфии и говорят, что суфизм существовал всегда, есть ли какие-нибудь свидетельства, что пророк Мухаммед сам ссылался на такие практики, как Таубат (поворот назад, покаяние), Хидмат (служение) или Сабр (терпение), то есть те «стоянки», которых учителя и ордена предписывают ученикам придерживаться в своем продвижении на Пути?

Ответ: Конечно, такие свидетельства есть. Вы должны помнить, что ислам был представлен не как новая религия, а как продолжение изначальной веры. Поэтому существует и должна существовать непрерывность между древними учениями и теми, которые появились в классический исламский период и после него. в качестве иллюстрации приведу вам историю из подлинных исламских преданий, в которой фактически выведены все три «стоянки» – Таубат, Хидмат и Сабр. Она называется

ПОВЕСТЬ ПЕЩЕРЫ (Хадис аль-Гхар)

Худжвири[4 - Али аль-Худжвири, «Раскрытие Сокрытого», Беседа о Чудесах.] в своих Беседах о Чудесах поведал историю из Преданий пророка, в которой сообщается, что однажды спутники Пророка попросили его рассказать о людях древних времен.

Он рассказал:

«Однажды трое путешественников остановились на ночлег в какой-то пещере. Пока они спали, с гор сошла лавина и завалила вход. Путники оказались в ловушке.

Они решили, что помочь им может только чудо и следует воззвать к Господу, призвав свою добродетельность в свидетельство того, что они заслуживают освобождения из этой пещеры, которая может стать для них склепом.

И вот один из них сказал:

– Была у меня в этой жизни одна только коза. Я доил ее и поил молоком моих родителей, и еще я собирал хворост на продажу. На вырученные деньги я покупал нам еду.

Однажды, возвратясь домой, я увидел, что старики уже спят. Я приготовил им еду и молоко, встал у их изголовья и стал ждать, не беря в рот ни крошки, пока наутро они не проснулись. Когда же они поели, я тоже утолил свой голод и отдохнул.

О Всемогущий, если я говорю правду, то помилуй и пошли нам избавление от постигшего нас!

На глазах у путников глыба, заслонявшая вход, слегка отодвинулась, и в пещеру проник луч света.

Однако выбраться через узкую щель не представлялось возможным, и второй человек начал свою историю:

– Однажды я безумно влюбился в очень красивую девушку, которая была слепой. Она отказалась выйти за меня замуж, и тогда я собрал денег, наполнил большую суму золотыми монетами и отослал ей с посланием, что эти деньги она может оставить себе, если проведет со мной одну ночь. Она пришла ко мне, но тут на меня вдруг снизошел страх Божий: я отвернулся от затеянного и оставил ей все свои деньги.

О, Господь! Если я сказал правду, то помилуй и пошли нам избавление от постигшего нас!

И снова на глазах у путников глыба чуть сдвинулась и щель немного увеличилась, но все же не настолько, чтобы выбраться наружу.

И заговорил тогда третий путник:

– Однажды я нанял нескольких работников и дал им задание. И вот, когда работа была завершена, все они пришли ко мне за деньгами, кроме одного, который вдруг исчез, так, что я даже не знал, где он и что с ним.

Я отложил заработанные им деньги и позже купил на них овцу. Спустя некоторое время у овцы появился приплод, и спустя несколько лет я получил от нее довольно большое стадо.

И вот прошли годы, и мой работник объявился и пришел ко мне за своими деньгами.

Я сказал ему:

– Пойди и возьми всех этих овец, они твои.

Поначалу ему показалось, что я смеюсь над ним, но, выслушав мои объяснения, он увел свое стадо.

– О, Господь! Если я сказал правду, то помилуй и пошли нам избавление от постигшего нас!

Лишь только человек произнес это, огромная глыба откатилась от входа в пещеру, и путники вышли из своего заточения.

Как видите, история повествует о людях, среди которых первый практиковал суфийский принцип Сабр (терпение), второй – отвернувшийся (от затеянного) практиковал Таубат (раскаяние), третий осуществлял Хидмат – служил своим ближним, идя путем честности.

История иллюстрирует относительную действенность трех отчетливых суфийских практик, показывая, что они (в лице трех людей) связаны между собой и что их эффект проявляется в определенном порядке.

Сама история эта восходит к временам, предшествовавшим распространению ислама как исторической религии, какой мы ее знаем. Ислам постоянно

ссылается на духовное наследие человечества, и то же самое, разумеется, делают суфии.

Мать противостояния

Вопрос: Когда Джалаладдин Руми говорит, что «вещи, которые кажутся противостоящими друг другу, на самом деле могут действовать заодно», он имеет в виду сущностное единство противоположностей. Верно ли, что это – формула для преодоления вражды? Верно ли, что, ничему не противясь, мы становимся ближе к реальности?

Ответ: Слова Руми и в самом деле можно превратить в лозунг типа «Невежество – мать противостояния».

Но когда человек ничему не сопротивляется и ищет в таких действиях (или в отсутствии действий) личной выгоды, он исходит из неверных предположений. Суть этих предположений в том, что индивидуум, который ничему не противостоит, сможет кое-чему научиться из того, что произойдет впоследствии. А с чего вы предположили подобное? Опыт, разумеется, говорит об обратном, во всяком случае, в нашей области.

Магическое мышление порождает предположение, что коль скоро какое-то событие происходит в сочетании с другим событием, то, стало быть, эти два события связаны друг с другом. Магически мыслящий человек, например, видя полет птиц и вспышку молнии, может заключить, что птицы вырабатывают электричество. Мы знаем, что это абсурд, потому что можем проверить это на опыте. Точно так же предполагать, что поскольку непротивление срабатывает в некоторых ситуациях, то его следует использовать как универсальный инструмент, – есть лишь плод магического мышления, только и всего.

«Вещи, номинально противостоящие друг другу, могут действовать заодно». Да, могут. Но могут и не действовать. Далее это взаимодействие кажущихся противоположностей может включать вас, а может и не включать. На самом деле, если бы вы восприняли эту концепцию достаточно тонко, чтобы извлечь из нее пользу, то вам с такой легкостью не пришла бы в голову идея ее применения. Вы бы уже знали, что в этой ситуации есть, как условие, и другие

элементы. Для того, чтобы понять, какие вещи, номинально противостоящие друг другу, фактически действуют заодно, и какую функцию, если она вам уготована, вы сами можете выполнить во взаимодействии такого рода, вам прежде всего необходимо узнать многое другое. Руми констатировал факт, остальные должны заработать понимание этого факта действием.

И это одно из тех положений, ради которых организована суфийская деятельность.

Знание и всезнание

Вопрос: Многие великие суфии постоянно называют суфизм наукой, о том же писал и Газали в своем труде «Возрождение Религиозных Наук». Но ведь любая наука базируется на известных и подтверждаемых фактах, на повторяемых экспериментах и на главенстве реальности над мнением. Как же можно называть суфизм наукой?

Ответ: Не знаю, откуда вы взяли ваше определение науки. Современные ученые, особенно те, кто занимается историей науки, стараются доказать, что в науке, как в прошлом, так и в настоящем, отсутствует каждый из приведенных вами критериев. Многие принятые учеными факты – всего лишь гипотезы, подходящие ко всем или к большинству рассматриваемых случаев. Когда же появляются новые данные, которые нельзя втиснуть в прежние схемы, «факты» изменяются, возникают новые теории, которые в свою очередь заменяются на еще более новые. Если же говорить о повторяемых экспериментах, то суфии ничем другим и не занимаются, кроме как повторением однажды установленного.

Что касается приоритета реальности над мнением, то часто и научная позиция оказывается просто мнением.

Выдающийся физик Уильям Томпсон (позднее ставший лордом Кельвином) заявлял в свое время, что теория эволюции по Дарвину с точки зрения науки абсурдна, поскольку если бы мир действительно был таким древним, Солнце к нашему времени уже выгорело бы дотла. Это было, конечно, лишь мнение. Учит только опыт, а не выявление противоречий, основанное на предполагаемых

логических выводах и предположениях о том, что есть истина. И ученые, и суфии, в лучшем случае, являются людьми опыта. Когда реальность того, чем они занимаются, подтверждается опытом, они принимают этот опыт. Основное различие состоит в том, что ученые все еще учатся, все еще развивают свое знание, тогда как суфии уже выучились. Ученым приходится модернизировать свое знание, добиваясь соответствия новым открытиям, чем они и занимаются. Система суфийского знания и практики не модернизируется, потому что утверждения и деятельность суфиев никогда не подвергались сколько-нибудь состоятельному сомнению; их наука была доведена до завершенности. Здесь вы сможете увидеть разницу между тремя областями: культом, наукой и суфизмом.

В культурах новая информация не допускается, чтобы не пошатнуть самой основы культа. Развитие науки не завершено, поэтому наука должна постоянно обновляться новой информацией. Суфизм же не нуждается в новом материале, так как система его знаний является завершенной. Непонимание возникает потому, что люди путают эти категории. Они воображают, что наука подобна суфизму в своей завершенности; что суфизм подобен культу и стремится исключить «новое» знание вместо того, чтобы проверить его; что культ, подобно науке, открыт для идей, тогда как он лишь приспособливается (или не приспособливается) к новым данным.

Будучи подобным просвещению, поскольку он обладает некой массой знания, суфизм передает это знание тем, кто его не имеет. Наука уподобляется культу, если она воображает себя всезнающей. Ущербная наука – это культ, каковым является и деградировавший, или имитационный, суфизм. Таким образом, суфийские идеи, как и наука и образование, в зависимости от их использования, могут выродиться в культ. Здесь важно помнить, что, когда сформирован культ, мы уже имеем дело не с суфизмом или наукой, но с культом. И обратное – когда люди, прежде являвшиеся учеными или приверженцами культа, приближаются к суфийскому постижению, они теряют прежние свои ограничения, характерные для науки и культов, и могут считаться хоть и начинающими, но суфиями.

Отваживать от себя людей

Вопрос: Как суфии могли заниматься обучением, если они вели себя подобно классическому мастеру Сари аль-Сакати, который, как говорят, будучи в

окружении искателей, молился так: «Всевышний! Даруй им знание, которое оттолкнет их от меня!»

Ответ: Великий Джунаид Багдадский, как сообщает авторитетный летописец Калабадхи, тоже говорил: “Когда вы видите суфия, выступающего перед толпой, знайте, что он пуст”.

Эти загадочные, на первый взгляд, слова понять на самом деле очень просто.

В случае с Сакати он имел в виду то «меня», которое привлекало искателей: внешнюю сторону его существа, которая, как он знал, вызывала в них любопытство к поверхностному. Когда люди обретают знание, которое отвлекает их от внешнего «я» учителя, так что они перестают толпиться вокруг него, уподобляясь деревенским зевакам возле цирка, тогда им впору и начать обучение у истинной природы Сакати.

То же и с Джунаидом: он говорит о том, кто разглагольствует перед толпой и потому может говорить лишь на какие-то общие темы и о вещах, приносящих удовольствие публике. Настоящий суфий, как и любой эксперт или профессионал, может всерьез обучать только тех, кто знаком с основами его учения.

Люди, отчасти занимавшиеся изучением суфизма, или же те, кто думает, что им занимались, как правило, начинают сами учить. Это нормальная стадия в развитии ученика, но не учителя. Вот почему суфии говорят: «Моя заветная мечта была учительствовать, но мне пришлось дожидаться, пока не пройдет мое желание учить, чтобы я смог по-настоящему заняться этим».

Даже люди с безупречной репутацией страдают от такого рода тщеславия, заслоняющего от них факт, что желание учить – ловушка, расставленная тщеславию.

Нищий и халат

Один из учеников великого Абу-Хавса испросил разрешение учить. Мастер дал согласие и сам присутствовал на его первой лекции.

Когда ученик – Абу-Усман – закончил, вперед вышел нищий. Не успел тот и рта раскрыть, как Абу-Усман скинул свой халат и отдал ему.

Учитель встал и закричал:

– Ты лжец! Не смей говорить с людьми, пока в тебе есть это!

Абу-Усман спросил:

– Что «это»?

– Ты просто доставляешь себе удовольствие, а человеку нуждающемуся мешаешь смиренно попросить за себя самого, – ответил мастер.

У нищего и ученика много общего: оба должны достичь стадии, на которой они готовы просить. Именно эта позиция фокусирует соответствующим образом ум, благодаря чему появляется способность к правильному получению.

Притча о царе и юноше

Вопрос: Если суфии безразличны к вещам этого мира, то почему же многие из них были заметными фигурами в искусстве, науке, государственной деятельности и литературе?

Ответ: Суфии безразличны к вещам этого мира, когда эти вещи связаны с тщеславием и когда им приписывается некая жизненная ценность, превосходящая их подлинное значение. Но суфии работают в этом мире, а значит, и с «вещами этого мира».

Есть масса способов работать в мире и с миром, о которых обычный человек, не понимающий всех причинно-следственных связей людей, событий и вещей,

совершенно не подозревает.

Наиболее известная на эту тему история повествует о том, как Хидр обучал Моисея, взяв его с собой в путешествие и совершая необъяснимые поступки.

Суфий к тому же должен быть защищен в миру, до некоторой степени благодаря своей осознанности: «как верблюд в пустыне», согласно поговорке, указывающей на приспособленность к среде.

По этому поводу можно вспомнить историю из древнего классического трактата «Лейла и Меджнун», созданного Низами:

Жил-был царь, который приблизил к себе некоего юношу и очень привязался к нему.

Но спустя некоторое время тот осознал, что не может доверять царю, несмотря на все уверения того в преданности. Тогда юноша стал каждый день кормить на псарне царских собак – свору злобных тварей.

И вот случилось, что однажды царь, разгневавшись на молодого человека, велел бросить его псам. Но они не тронули его, потому что хорошо его знали.

Биографы и святые

Вопрос: Многие суфии, включая Джами, Саади, Худжвири, выступали в литературе всего лишь как простые биографы великих учителей. Теперь же они сами почитаются как святые. Почему так?

Ответ: На это ответил Шах Шуйя из Кирмана, сказав: «Великий человек велик, пока не знает об этом. Святой свят, пока не ведает этого».

Вопрос: Если я чувствую себя невеждой, как мне приступить к получению знания?

Ответ: Это состояние описывает древняя пословица: «Знание состоит в том, чтобы констатировать невежество».

Вопрос: Как может человек стать суфием, если он знает, что, выбирая этот путь, он должен лишиться чего-то?

Ответ: Ответ на этот вопрос в суфийской поговорке: «Бедняку не страшны воров, суфий не боится лишений».

Вопрос: Многие, одолеваемые беспокойством, ищут мира.

Ответ: Они могут никогда не найти его, как было сказано: «Беспокойство – это туча, проливающаяся разрушением».

Вопрос: в чем основная ошибка человека?

Ответ: В том, что он, задремав в прихожей жизни, полагает, что уже живет.

Вопрос: Как мне совместить различные методы познания, сохранив те, что доказали свою полезность в прошлом?

Ответ: Вероятность, что вам удастся это, такая же, как увидеть два восхода Солнца в один и тот же день.

Вопрос: Обязан ли ученик постоянно занимать себя всевозможными тривиальными делами, как это часто упоминается в суфийских книгах?

Ответ: Есть поговорка: «Если вы выбираете незначительные дела и делаете их хорошо, великие дела сами найдут вас и потребуют своего выполнения».

Вопрос: Зачем вы учите нас расширять сферу своих интересов? Не лучше ли сконцентрироваться только на духовном?

Ответ: Это обобщается в таком наставлении: «Если у тебя две рубашки, одну продай, а на вырученные деньги купи себе цветок».

Вопрос: Я не знаю, что ждет меня завтра, поэтому хочу подготовиться к встрече с будущим.

Ответ: Вы боитесь завтрашнего дня, однако день вчерашний столь же опасен.

Вопрос: Является ли речь наилучшим способом общения?

Ответ: Иногда, но не всегда. Как раз об этом говорится в приписываемом Хазрату Али изречении: «Человек скрывается под покровом своего языка», и это относится как раз к таким случаям.

Вопрос: Разве может случиться, что интенсивные программы обучения и исследований не помогут нам овладеть суфийским учением?

Ответ: Хафиз сказал: «Огромные здания и институты, ученые дискуссии, монастыри и университеты – какая в них польза, если в сердце нет мудрости и нет видящего ока?»

Вопрос: Я многому учился и извлек из учения много полезного. Что вы скажете о моем состоянии?

Ответ: На это состояние ссылается Джами в своем «Бахаристане», когда говорит: «Только теперь, когда я нашел Тебя, я знаю, что первый же мой шаг уводил меня прочь от Тебя»

Вопрос: Чем я могу помочь себе?

Ответ: Тем, что будете помнить пословицу из Саади: «Нигде не отыщешь путь, кроме как в человеческом служении».

Вопрос: в чем ценность внешних атрибутов?

Ответ: в них есть ценность, если вы осознаете истину изречения Саади в его «Бустане»: «Путь – это не четки, не одеяние и не молитвенный коврик».

Вопрошающий: Осторожность требует не лезть в воду, не зная брода.

Ответ: Осторожность может потребовать вообще никуда не лезть. Харири говорил в «Макамате»: «Безопасность – на берегу реки».

Лиса и лев

Вопрос: с чего надо начинать «учиться тому, “как” учиться»?

Ответ: Несомненно, с того, чтобы оставить все попытки учиться, исходя только из собственных предположений. Многие люди пытаются учиться, используя уже усвоенные ими концепции, даже не подозревая, что эти концепции не работают.

Вот история о людях, неверно оценивающих свои способности и ситуацию, рассказанная Саади в «Бустане».

Некий человек, гуляя однажды по лесу, увидел хромую лисицу и удивился, как это она, будучи калеккой, ухитряется выживать в лесу. Тогда он решил понаблюдать за нею. Вскоре из чащи появился лев с куском мяса в зубах. Съев сколько мог, он бросил оставшееся и ушел. Лисица подбежала к мясу и доела остатки.

Увидев это, человек сделал вывод, что ему надо поступать так же, и Провидение позаботится о нем, как и о лисе. Он уселся на землю и стал ждать. Время шло, ничего не происходило, а человек становился все слабее и слабее. в конце концов он услышал голос: «Не будь хромой лисицей! Стань львом, чтобы пропитать себя и обеспечить других!»

Учение суфиев, в отличие от прочих учений, не предполагает, что вы знаете, как подступиться к тому, что вы хотите понять. Поэтому суфии первым делом заботятся о том, чтобы человек мог подойти к предмету изучения правильным для себя образом.

Эффект мистических знаний

Вопрос: Почему все мистики по традиции передают свое знание понемногу и в кругу тщательно отобранных учеников, вместо того чтобы обнародовать его факты в полном объеме и передать людям силу этого знания?

Ответ: Как говорил Ибн Хазм аль-Тахири из Кордовы, «Тайные знания подобны сильнодействующим лекарствам: они излечивают сильных телом, но убивают слабые организмы. Подобно этому, тайные науки совершенствуют мышление, способное к пониманию и исправлению собственных недостатков. Но эти же науки могут уничтожить слабое разумение».

Этот мыслитель XI века, которого я только что процитировал[5 - «Китаб аль Акхлак ва'л сир фиадават аль Нуфус» (краткое название «О Поведении и Излечении Душ»)], по оценке западных ученых, является основателем сравнительного изучения религий. Им написана первая книга на эту тему.

Вопрос: А когда написали следующую?

Ответ: Не ранее, чем через 700 лет, что является полезным напоминанием о так называемой непрерывности схоластической деятельности.

Вопрошающий: Мне кажется, что он был глупцом, этот Ибн Хазм?

Ответ: Я всего лишь цитирую его. Однако давайте дадим ему возможность самому ответить вам. Считаете ли вы, что хоть кто-то из людей может избежать неприятия и поношения?

Вопрошающий: Да.

Ответ: Вот вам тогда еще одна цитата из его книги: «Безумен тот, кто думает, что обезопасил себя от критики и поношения!»

Музейные ценности

Вопрос: Как нам узнать побольше о древних суфиях, живших задолго до создания большинства классических суфийских текстов, и разве те времена и

люди, жившие тогда, менее важны, чем суфии классического периода?

Ответ: Руми в своем произведении «Фихи ма фихи» («В нем то, что в нем») касается одного из аспектов этого вопроса, говоря, что, хотя тень может войти в дом раньше человека, вряд ли она важнее его, и если люди интересуют вас больше теней, можно сказать, что человек вошел первым. Так что прежде давайте выясним, в чем предмет вашего интереса.

С голоду или когда вам не хватает питательных веществ можно завести разговор даже о гнилой банановой кожуре, валяющейся на земле. Но если у меня есть свежий банан или я знаю, как его достать, есть ли смысл развивать эту тему в заданном вами направлении? Если вы не голодны и к тому же собираете музейные редкости, ваш вопрос, возможно, и имеет какой-то смысл. Но тогда есть ли смысл задавать этот вопрос мне? Ведь меня интересуют только свежие бананы. Определите ваши собственные нужды, и это принесет пользу нам обоим.

На этот вопрос некоторые люди отвечали в том смысле, что хотят и того, и другого – так сказать, и бананы есть, и разглядывать разные ископаемые. Если бы нам удалось найти хоть кого-то, кто был бы способен на это, мы с большей пользой могли бы продолжить обсуждение этого вопроса. Помните человека, который сказал, что ему нужна «вода помокрее»? Может быть, ему и в самом деле хотелось такой воды, но он ее не достал. Даже если бы он и получил желаемое, какая ему могла быть от этого польза, ведь его организм был прекрасно приспособлен и к обычной воде?

Субъективное поведение

Вопрос: Почему суфийские учителя иногда демонстрируют поведение, которое резко отличается от поведения людей внутреннего постижения и святости?

Ответ: Можно также спросить, почему в словарях столько слов с противоречивыми значениями. Вот классический пример обучения поведением:

УКРАДЕННАЯ ИЗЮМИНКА

Абу-Усман рассказывает[6 - Цитируется по книге Абу Бакра аль Калабадхи «Китаб аль Тааруф»], что однажды он находился в обществе Абу-Хафса, у которого было немного изюма. Абу-Усман взял изюминку и положил себе в рот. Абу-Хафс схватил его за горло и закричал:

– Вор! Ты почему ешь мой изюм?

Абу-Усман стал объяснять:

– Я считал, что ты свободен от привязанности к вещам этого мира, и я знал о твоём бескорыстии, поэтому и взял у тебя изюминку.

Абу-Хафс сказал:

– Идиот! Ты доверяешь мне, хотя сам я не доверяю себе (в том, что я не свободен от корысти).

Абу-Хафс тем самым продемонстрировал, что человеку следует развиваться до тех пор, пока он не станет способным внутренним чувством воспринимать состояние других людей, а не полагаться на их репутацию.

Причина и следствие

Вопрос: Почему у меня такая несчастная жизнь? Часто я нахожусь в отчаянии, а затем со мной происходит такое, что вынуждает меня переживать еще больше. Мне кажется, что у других нет таких проблем.

Ответ: Все, кто культивирует в себе подобную жизненную позицию, сталкиваются с теми же трудностями. Вам не приходило в голову, что другие люди обходятся без таких проблем, просто потому, что иначе реагируют на происходящее?

Слышали ли вы историю о Фариси и змее?

ЖАЖДА И ЗМЕЯ

Вот что рассказал Фариси суфию Калабадхи[7 - Абуль Хасан аль Фариси, упоминается в книге Абу Бакра аль Калабадхи «Китаб аль Тааруф».]:

«Мой путь лежал через пустыню, и жажда так измучила меня, что я был не в состоянии двигаться дальше. Я сел на песок и, вспомнив, что перед тем как наступает смерть от жажды, у человека, как я слышал, начинают слезиться глаза, стал ждать, когда это произойдет.

Вдруг мое внимание привлек какой-то шорох, и я увидел серебристую белую змею, скользившую по песку прямо ко мне. Я так испугался, что вскочил и, несмотря на свое бессилие, побежал прочь, слыша за спиной ее шипение.

В конце концов я добежал до источника воды. Змеиного шипения больше не было слышно. Оглянувшись, я не увидел змеи, ее и след простыл. Я напился и был спасен».

Фариси, когда он опустился на землю, не был беспомощен, хотя так ему казалось, пока не появилась змея. Змея, его второе бедствие, послужила средством его спасения.

Привлекательность и важность

Вопрос: Сообщают, что великий суфий Баязид сказал: «Все, что я хочу – это ничего не хотеть». Это похоже на «мистическое» высказывание, которыми так славятся мыслители Востока. Имеет ли это вообще какой-то смысл? И если имеет, то как это понимать?

Ответ: Для обычных людей желание означает жажду чего-то, и эта жажда всегда связана с эгоизмом, каким бы хорошо замаскированным или социально приемлемым он ни был. Часто отмечалось, например, что люди, которые представляются альтруистами, извлекают удовольствие из этой жизненной позиции. Но, согласно суфиям, за одну вещь дважды не платят. в нашем случае это значит, что если вы желаете чего-либо и испытываете удовольствие от

своего желания, свою плату вы уже получили. Даже испытав глубокое эмоциональное волнение, которое будто бы и не имеет ничего общего с получением удовольствия от желания, вы все равно получили «плату» в виде эмоционального стимула.

Суфии полагают также, что такие желания удерживают человека на одном месте: он либо получает удовлетворение, либо разжигает свои желания, пока не удовлетворит их или не станет хронически неудовлетворенным человеком. Однако, продолжают суфии, за пределами всего этого лежит путь развития, понимания, восприятия, скрытый от нас «завесой» (туманной пеленой желаний). Вот почему Баязид стремится избежать желаний.

Мирские цели, к которым относятся и эмоциональные стимулы, слишком часто принимаемые чрезмерно набожными людьми за религиозные чувства, преследуются с помощью именно этих желаний, этой алчности. Об этом свидетельствует то, что объект желания в уме жертвы приобретает огромную важность, такую же, как у человека, жаждущего имущества, весомого положения, признания, славы, успеха. Чтобы отличать первичные цели от вторичных, суфии говорят: «Важность чего-либо обратно пропорциональна привлекательности этого». Тому есть параллель и в обычном мире, когда люди из-за своего пренебрежения не способны опознать важные события, изобретения и открытия. Доказательством того, что в повседневных делах это тоже признается, служит такое высказывание, появившееся недавно в лондонской ежедневной газете: «О важности того или иного можно судить по недостатку интереса к этому»[8 - Daily Mail, 17 March 1979, p.7 col.4, quoting P.Butler, of Sussex.].

3

Суфийские истории

Богатый и бедный

Великий законодатель Моисей направлялся к Господу, чтобы получить руководство для своей будущей работы.

Он повстречал по пути нищего, который спросил его:

– Куда идешь, Моисей?

– Я иду на встречу с Богом, – ответил пророк.

– Когда увидишь Его, не скажешь ли, что я беден и не знаю, как улучшить свое положение?

Моисей обещал спросить.

Вскоре он увидел очень богатого человека, который спросил:

– Куда направляешься, Моисей?

– Повидаться с Богом.

– Когда увидишь Его, спроси, что мне делать? У меня и так очень много денег, а Господь все равно продолжает осыпать меня богатствами.

Моисей взялся передать и этот вопрос.

Встретившись с Господом, он сказал:

– Боже! Я пришел к Тебе спросить, как мне продолжить свою работу. И еще мне нужен совет для двух людей, которых я повстречал в пути.

И он рассказал Богу о богатом и бедном.

Ответил ему Господь:

– О, Моисей! Ты спрашиваешь, как тебе продолжить свое дело, но случай с этими двумя людьми, богатым и бедным, показывает, что ты не сделал того, что

требовала известная тебе справедливость – отдать бедному избыток богача. Могу ли я поручать тебе большее, если ты не делаешь и того, что должен делать?

Манипулируемый

Широта ума, которую так часто представляют в качестве добродетели, в некотором смысле является высшей формой эгоизма, иначе говоря, она позволяет человеку достигать высот, недоступных всем скупым и недалеким людям. Страх потери и жажда приобретения – эмоциональные стимулы: они служат инструментами для временного возбуждения (столь желанного людям) и одновременно препятствуют продвижению на пути глубокого понимания.

Большинство людей ходят на таком «коротком поводке» у других людей, у собственных идей, у своего окружения, что и не подозревают о существовании какого-либо диапазона переживаний за пределами этого поверхностного уровня.

Персидский поэт Ливаи иллюстрирует это пересказом старинной истории, которая столь же забавна, сколь и поучительна:

Некий купец, возвращаясь из длительного путешествия, присел на обочине дороги перекусить. Он наслаждался едой, предаваясь приятным размышлениям о том, сколько он заработал, и предвкушая радостный момент возвращения домой.

И вот во время трапезы он увидел человека, идущего в обратном направлении, то есть со стороны города. Он поздоровался с ним и спросил, как обстоят дела в их родном городе.

– Все прекрасно, – отвечал тот.

– Ты знаешь, где я живу? Как там моя жена и сын?

– Твой сын чувствует себя прекрасно, а его мать хороша, как всегда.

– А мой верблюд?

– Сыт и здоров.

– А мой пес, он все так же сторожит дом?

– Как всегда верен тебе и ждет твоего возвращения.

Теперь, когда последняя тень беспокойства рассеялась, путешественник вернулся к еде с удвоенным аппетитом. Он даже не предложил другому путнику разделить с ним трапезу, и тот решил проучить его.

Мимо них пробежала газель, и путник тяжело вздохнул.

– В чем дело? – спросил купец.

– Просто я подумал, что если бы твой пес не сдох, он легко догнал бы эту газель.

– Что? Мой пес мертв? Как это случилось?

– Он объелся мясом твоего верблюда.

– Мой любимый верблюд, он тоже мертв?! С ним-то что стряслось?

– Его зарезали, чтобы накормить гостей на похоронах твоей жены.

– Моя жена! Отчего она умерла?!

– Она умерла с горя, не пережив смерти сына.

– Боже мой, сынок! Что с ним произошло?

– Он погиб под обломками твоего дома.

При этих словах купец вскочил, разорвал свои одежды и с криками умчался в пустыню.

Если бы купец разделил свою трапезу с земляком, возможно, ему не пришлось бы пройти через такие ужасные переживания, выслушивая все эти вымышленные истории. с другой стороны, как отмечали некоторые, если бы он не был жаден, он не имел бы возможности увидеть свою реакцию на «новости» из родного дома. И все-таки, не будь он жаден, разве нуждался бы он в такого рода шоковой терапии, хоть она и дала ему возможность пронаблюдать себя?

Дервиш и его желание

Когда человеческие существа наделялись присущими им качествами, ангел приблизился к одному из тех, кому предназначалось стать дервишем, и спросил:

– Чего ты хочешь?

– Ничего, – ответил будущий дервиш, продолжая сидеть в созерцании Истины.

И вот ангел по очереди стал обходить всех будущих людей, спрашивая, чего хочет каждый из них.

Будущий царь сказал:

– Важного положения и пышности.

Будущий крестьянин сказал:

– Работы!

Воин сказал:

– Славы!

И так далее.

Тут раздался голос, который, обращаясь к будущему дервишу, сказал:

– Ты не попросил ничего для себя, и еще не поздно изменить решение. Однако за то, что ты хотел Истины, тебе будет позволено на мгновение увидеть, как люди воспользуются тем, чего они пожелали...

Будущий дервиш взглянул в возникшее перед ним зеркало и увидел в нем королей, преисполненных важности и церемонности, работающих без усталости крестьян, непрерывно сражающихся воинов...

И воскликнул будущий дервиш:

– А что же ждет Людей Учения?

Изображение в зеркале изменилось, и он увидел священников, ученых и специалистов всех мастей. Их интересовали мнения, убеждения и образованность. в результате они, конечно же, часто уклонялись от Истины и уводили от нее других.

Будущий дервиш воскликнул:

– Но почему же нельзя искать Знание без мнений, Истину – без одержимости, факты – без личной заинтересованности?

– Существующим типам людей уже поздно дать то, что ты перечислил, – сказал ангел, – поэтому они будут принимать факты за знание, мнение – за просветление, а возложение на себя обязательств – за набожность и добродетель.

– Но как же, – продолжал будущий дервиш, – людям узнать, что Истина – это не мнение, что факты – не знания, а убеждения – не достоинство?

– Когда мнение принимается за факт, этот «факт» не очень-то вписывается в действительность. Когда факты принимаются за знания, человек, который пытается усвоить их, становится внутренне неустойчивым. Точно так же, когда

одержимость путают с долгом, возникает ощущение некоторой опустошенности.

- И что же тогда? - спросил будущий дервиш.

- Тогда люди, пытающиеся подменить одно другим, становятся тщеславными, раздражительными и воспринимаются окружающими как мелочные, а те, кто наблюдает их со стороны, начинают искать настоящих знаний.

- Ну, а может ли что-либо помешать людям увидеть недостатки знатоков? - спросил будущий дервиш.

- Только в том случае, - сказал ангел, - когда в самом наблюдающем слишком много собственного тщеславия, эмоций и мелочности.

Делай так, как хотят твои друзья

Некий суфий посетил однажды правителя Самарканда, который заявил:

- Не вижу никакого смысла и никакой реальности в голословном суфийском утверждении «Истина лежит за пределами внешности». Для меня же истина, несомненно, в том, что люди, становясь друзьями, поступают так, как хотят их друзья.

- Не будете ли вы столь милостивы, ваша светлость, чтобы назвать имена трех ваших друзей? - спросил суфий.

- Охотно. Мои друзья: судья Афифи, охотник Кабил и Салим - глава всех купцов.

- Я берусь доказать, что люди не поступают согласно желаниям своих друзей, - сказал суфий, - и на это мне понадобится три недели.

- У тебя есть ровно три недели, но ты лишишься головы, если не докажешь правдивость своих слов! - отвечал хан.

Спустя три недели суфий пригласил хана в комнату, где сидели судья Афифи, охотник Кабил и купец Салим.

– Вот реальная ситуация, и она противоположна вашим представлениям, – сказал хану мудрец, – Афифи поклялся убить Салима, а Салим готов уничтожить Афифи. Кого из них вы поддержите – обоих? Как же поступить в данном случае, чтобы угодить своим друзьям?

– А Кабил? – спросил хан.

– Кабил хочет убить вас. Будучи хорошим другом, вы, несомненно, поможете и ему?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Хашимиты – потомки Хашима, прадеда пророка Муххамада.

2

Ибрагим Кхавас (Абу Исхак Ибрагим ибн Ахмад аль-Кхавас, Пальмовый Ткач) умер в 910 году н.э.. Он был товарищем Джунайида Багдадского и Нури. Имя Кхаваса ассоциируется с обучающими рассказами, которые могут пониматься как на обычном уровне, так и способствовать более глубокому пониманию человека. Приведенная история сохранилась в книге Аль Танукхи “Аль Фараджба аль-шидда”, написанной в X веке. Ее название может быть переведено как “Освобождение [наступающее] после лишений”, и она содержит

много таких обучающих историй. Хотя наша история построена как рассказ о путешествии, в ней аллегорически изображены верные и неверные способы подхода к человеческому развитию и намерениям и их оценка.

3

Цитируется Фаридуддином Аттаром в его книге «Воспоминания о Святых».

4

Али аль-Худжвири, «Раскрытие Сокрытого», Беседа о Чудесах.

5

«Китаб аль Акхлак ва'л сир фиадават аль Нуфус» (краткое название «О Поведении и Излечении Душ»)

6

Цитируется по книге Абу Бакра аль Калабадхи «Китаб аль Тааруф»

7

Абуль Хасан аль Фариси, упоминается в книге Абу Бакра аль Калабадхи «Китаб аль Тааруф».

8

Daily Mail, 17 March 1979, p.7 col.4, quoting P.Butler, of Sussex.

Купить: https://telnovel.com/shah_idris/iskatel-istiny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)